

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург, Россия

**ТЕРМИН ДИСКУРС И ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ
В МЕТАЯЗЫКЕ НАУКИ:
ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема, которая имеет отношение к образовательному циклу дисциплин гуманитарно-лингвистической подготовки. Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова дискурс как инструмента тематического описания поля массмедиа. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурс, дефиниции, терминология, медиалингвистика, метаязыки, язык науки, лингвистическое образование.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Краснова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры речевой коммуникации, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций». Адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9. E-mail: taikrasnova@yandex.ru.

T. I. Krasnova
Saint Petersburg, Russia

**THE TERM *DISCOURSE* AND ITS PLACE
IN THE METALANGUAGE OF SCIENCE:
COGNITIVE-EDUCATIONAL ASPECT**

ABSTRACT. The article describes a problem which refers to the educational cycle of disciplines of humanities and language training. There is a gap between terminological and mechanical use of the word discourse as a tool of thematic description field in mass media. Definitions of discourse should be clear and easy to understand; interpretations should be convincing.

KEYWORDS: *discourse, definition, terminology, media linguistics, met-
alanguage, language of science, linguistic education.*

ABOUT THE AUTHOR: *Krasnova Tat'yana Ivanovna, Doctor of Phi-
lology, Associate Professor of Department of Speech Communica-
tion, Saint Petersburg State University, Institute «Higher School of
Journalism and Mass Communication».*

Сейчас многие лингвисты в России и за рубежом едино-
душно отмечают малоприемлемое, неудобное для самих ученых
положение термина «дискурс» в современных исследованиях.
Наименование, примечательное своей емкостью и открытостью
понятийных границ, оказалось в металингвистике на положении
«модного» слова — слова многозначного, которое непрерывно
тиражируется и как будто бы не нуждается уже в пояснениях.

В статье рассматривается проблема металингвистическо-
го и метаречевого порядка, связанная с употреблением термина
дискурс. Эта проблема имеет отношение к образовательному
циклу дисциплин, изучаемому на факультетах с гуманитарно
лингвистической подготовкой. Метаречь в отличие от обычной
языковой среды, имеет более жесткие законы, известные как
«норма научного стиля» (языка науки), и должна специально
формироваться в процессе профессионализации личности.
Профессиональная языковая компетенция личности предпола-
гает умение выбрать из возможных вариантов выражения спе-
циальной информации самый адекватный данной металингви-
стической коммуникативной ситуации.

Базовый уровень языковедческой науки на современном
этапе ее развития пополнился термином, входящим в обяза-
тельный терминологический минимум образовательного курса.

– Языкознание (языковедение, лингвистика)

Предмет науки

Речевая деятельность

Язык

Речь

РЕЧЕВЕДЕНИЕ

– Дискурс

Особое положение категории «дискурс» в речеведении
объясняется учетом множества обусловивших ее понятийное

образование факторов, включая структуру, когнитивный компонент, внешнее и внутреннее поле зависимостей при порождении и восприятии высказывания / текста.

Составляющие интегративной ментально-речевой структуры дискурса можно представить в виде схемы:

Концепт (идеологемы)]	-----	[номинации; ключевые слова
Фрейм аргументные структуры]	-----	[схемы; предикатно-
внешнее поле	-----	фоновая зависимость: социальный и культурный контексты
зависимостей		[интердискурсы], интегративные «текст и контекст»
ПРЕСУППОЗИЦИИ		субъект и адресат позиции, интерпре- тация (мифологичность)
внутреннее поле	-----	интенциональность [идеологиче- ски модализов. пропозиции]
зависимостей		модусы

Одной из составляющих теории Дискурса является когнитивно-ориентированный анализ (Т. ван-Дейк), обращенный к ментальным структурам, разрабатываемым теорией фреймов, и социологический подход. Последний имеет прямое отношение к идеологии (в духе ее понимания М. М. Бахтиным) [Волошинов 1995: 216–380], о чем, по существующей с советских времен традиции, не принято было рассуждать. Собственно исторический момент интересен тем, что показывает зависимость терминологии от национальной научной традиции и объясняет трудности «вживления» чужого термина в принятую терминосистему.

В отечественной лингвистике круг вопросов, составляющих проблематику речевой деятельности на различном функционально-стилевом и текстовом материале, традиционно рассматривался в *стилистике* в связи с изучением экстралингвистических факторов вместе с лингвистическими. *Социолингвистика* долгое время, вплоть до перестройки, находилась в загоне; ее развитие ограничивалось изучением макропроцессов, т.е. социальной обусловленности языковых явлений, текущих в больших коллективах. Такое было время. Научное время повернуть невозможно, но вводить его в контекст истории науки необ-

ходимо [Краснова 2011: 72–90]. Вернемся к термину дискурс.

Важнейшее свойство термина — системность, т.е. парадигматическая соотнесенность с другими уже существующими единицами метаязыка. Ведь терминология в области науки — не просто список терминов, а «семасиологическое (т.е. знаковое) выражение определенной системы понятий, которая, в свою очередь, отражает определенное научное мировоззрение» [Ахманова 1966: 9].

Мировоззрение в науке о языке в конце XX века довольно быстро эволюционировало от лингвистики текста с середины 70-х гг. к когнитивной лингвистике в середине 90-х гг. и ознаменовалось бурным развитием теории дискурса сразу в нескольких национальных школах Западной Европы [Чернявская 2006: 53].

В частности, их связывал общий интерес к социальным процессам в языке под влиянием дискурса власти (пример СССР). В конце 90-х гг. отмечены были изменения и в советской лингвистической науке: в центр терминосистемы поместилось сочетание «человеческий фактор в языке» — базовое понятие современной отечественной антропологической лингвистики. Его источником была публицистика первых лет перестройки (*социализм с человеческим лицом, человеческий фактор в экономике*): ср. название монографии «Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис» (1992). Перед нами пример того, как эмоционально-оценочная нейтральность — одно из свойств термина, уступило распространению оценочной коннотации. Не что подобное произошло и с термином дискурс.

С одной стороны, поскольку термин соответствует абстрактному понятию, его семантика равна чистому сигнификату, а содержание — «совокупность классообразующих признаков» [Никитин 1997: 45]. С другой стороны, в определениях дискурса немало метафорических ходов. Ср. часто цитируемый диссертантами фрагмент его определения Н. Д. Арутюновой, где дискурс понимается как «речь, опрокинутая в жизнь» [Арутюнова 1990]. Если же учесть краткую дефиницию Э. Бенвениста (дискурс — «речь, присвоенная говорящим») [Там же], становится очевидным главный дублер заимствованного слова-понятия — речь.

Научная дублетность термина связана с интернационализацией терминологии («свое»/«чужое») и с формами речевой экономики. Отсюда же иронические коннотации, которые слово дискурс приобретает в языке писателя или журналиста, в контекстах обиходного употребления. Среди журналистов это слово воспринималось как «изюминка». Произошло давление «наивной», отражен-

ной в массмедиа картины мира на наше сознание. В работах по изучению продуктов СМИ немало примеров обиходного выхолащивания содержания термина «дискурс». Кроме того, он превращается в «формулу», своего рода идеологему, в заявление о методологическом освобождении от старых оков. Из слова-понятия, должного объединять исследования в русле новой междисциплинарной реальности лингвистики, слово «дискурс», употребляемое вместо терминов «речь», «стиль», «текст», «речевая практика», «тематический блок» и др. влечет за собой всеобщее подозрение к самому термину и связанному с ним новому положению вещей.

Выбор, а тем более создание своего термина, обязательно предполагает его эксплицированное сравнение с ближайшими элементами терминосистемы — синонимами-дублерами (вариантами), с ближайшими с логической точки зрения понятиями: род // вид (гиперо-гипонимические отношения), целое // часть (партитивные отношения) [Куликова, Салмина 2002: 43]. В отечественной лингвистике обозначение «дискурс» вошло в смежные отношения с понятиями «речь» и «стиль» не только на правах гиперонима, замещая их в научных текстах как синонимичный номен, но и на правах гипонима, как номенклатурная этикетка.

«Номенклатурная болезнь», отмеченная еще И. А. Бодуэном де Куртене, состоит в «ужасающем количестве вновь созданных специальных терминов» [цитир. по: Куликова, Салмина 2002: 152]. По выражению одного из участников международного «Круглого стола» по дискурсологии (Ополе 2011, Минск 2013) «складывается впечатление, что нет ничего, что не могло бы быть названо "дискурсом"» [La Table Ronde 2013: 35].

Главная особенность терминообразования — создание гнезд составных терминов с одним и тем же опорным словом-термином. Степень разработанности и популярности термина определяется степенью «обрастания» нового базового понятия собственной парадигмой типов. Ниже приводятся сгруппированные по общим признакам терминологические сочетания, извлеченные из научных работ, включая диссертации. В большинстве своем наименование «дискурс» входит в словосочетания, где раньше стояли слова-понятия «стиль», «речь» или «язык». Хотя некоторые из номенов и по форме, и по выражаемому значению могут быть квалифицированы как побочные или даже индивидуально-авторские.

Наименование дискурса по сфере (или месту) использования (можно поставить вопрос — где используется?): *офици-*

альный дискурс, политический дискурс, институциональный дискурс, медийный дискурс, радиодискурс, интернет-дискурс, газетный дискурс, научный дискурс, юридический дискурс, исторический дискурс, экологический дискурс, экономический дискурс, образовательный дискурс, религиозный дискурс, медицинский дискурс, спортивный дискурс, городской дискурс; рекламный дискурс, культурный дискурс (вариант дискурс культуры), арт-дискурс, (вариант эстетический дискурс), кулинарный дискурс и т.п.;

наименование дискурса по субъект-объектной принадлежности: а) по субъектному признаку (кому принадлежит, кто им пользуется): *журналистский дискурс, читательский дискурс, уголовный дискурс, дискурс горожан, дискурс волонтеров, дискурс тренеров, дискурс спортсменов, дискурс фанатов;* б) по объектному признаку (к чему относится, чему посвящен): *дискурс войны, дискурс села, дискурс города, дискурс городской среды, дискурс праздника, дискурс благоустройства, субдискурс памятника;* встретилось выражение *пересечение городского субдискурса с жанровым;*

наименование дискурса по телеологическому признаку (с какой целью используется): *пропагандистский дискурс, идеологический дискурс, вирусный дискурс, идентифицирующий дискурс, репрезентирующий дискурс, обучающий дискурс, имиджеформирующий дискурс, жанровый дискурс, тематический дискурс;* обозначены и такие разновидности: *дофактумный дискурс, актуальный дискурс, постфактумный дискурс;*

наименования дискурса по модально-оценочному и качественно-количественному признаку: *эмотивно-оценочный дискурс, позитивный дискурс, оппозитивный дискурс, радикальный дискурс, умеренный дискурс, политически нейтральный дискурс, критический дискурс; старый дискурс, древний дискурс, многослойный дискурс и т.п.*

Н. И. Клушина отметила, что «мода на дискурсивные исследования привела к терминологической эклектике в стилистике»; «происходит неосмысленное членение коммуникации на произвольно выделяемые (по разным основаниям) типы дискурсов» [Клушина 2013: 27].

Дискурс можно назвать идеологемой междисциплинарного направления исследований. В свое время был раскрыт механизм превращения нового термина в идеологему (Maier H.). Такой процесс сопровождается осознанной или неосознанной девальваци-

ей его значимости как понятия [Горбачев 1999]. Наша версия: превратившись в расплывчатую «программную формулу», дискурс означает уже не то понимание, что выработано в фундаментальных исследованиях, а то, что по разумению говорящего дает возможность уподобления. Поэтому «идеологема» дискурс и термин дискурс находятся в напряженных отношениях.

В явлении тиражирования можно усмотреть также следующую закономерность. Обиходное словоупотребление не предполагает жесткого разграничения смежных понятий и обозначающих их слов: например, в словарном толковании 3-го значения слова ЯЗЫК — это «разновидность речи, стиль, слог (*Разговорный язык. Газетный язык*); в Малом академическом словаре (МАС) сближаются как синонимы *язык // стиль*, разграничение которых в лингвистической науке все-таки уже аксиома. Создается впечатление, что наш научный метаязык стал изобиловать приметам речевой обиходности с ее удобной неразборчивостью.

Большие трудности у молодых специалистов вызывает различная научная интерпретация термина «дискурс» и понятий, введенных в его парадигму: текст и дискурс; тема (топик) и концепт; фрейм и формация дискурса; речевая и дискурсивная практика; внешние и внутренние пресуппозиции дискурса; субъект дискурса, интердискурс и др. Трудность понимания, связанная с понятием дискурс не всегда обусловлена неопределенностью и комплексностью содержания самого слова. Трудность понимания обусловлена комплексным характером самой коммуникативной действительности, стоящей за термином медиадискурс [Кожемякин 2010].

Как известно, развитие представлений о дискурсе поставило его в соотношение с категорией текст и ввело в систему понятий, методов и принципов лингвистики текста. Значение термина дискурс близко к пониманию его в русской стилистике как текста, изучаемого в коммуникативно-деятельностном функционально-стилистическом аспекте. Однако дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, осуществляемое в определенно обусловленном коммуникативном пространстве. Если же это текст, то он в неразрывной связи с ситуацией и контекстом, определяющим все то, что существенно для порождения данного высказывания. В этом случае дискурс характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры-текста.

Особое внимание исследователей привлекло понятие дискурсивной формации, введенное Фуко. Однако и здесь, в отличие

от западных школ, по существующей традиции в основе идеи дискурсивной формации лежит не идеологический конструкт, а свое понимание структуры дискурса. Дискурс — это интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в функционально-речевом отношении [Стилистический энциклопедический словарь 2006]. В таком случае дискурс мало отличается от стиля. Разница лишь в том, что он представлен интегративной совокупностью текстов (ср.: научный, медицинский дискурс). Идея дискурсивной формации строится в основном на сферах коммуникации (области знаний) и содержательно-тематических отношениях, т.е. в традициях лингвопоэтики и стилистики.

С другой стороны, в такой широкой трактовке дискурса, как интегративной совокупности текстов, есть и новизна: 1) упор делается на интеграцию как процесс взаимодействия, уплотнения, унификации знания... процесс развития, который обусловлен взаимопроникновением различных видов деятельности; 2) интеграция понимается как процесс организации отношения элементов, в которых сохраняется их относительная самостоятельность, ментальная (психическая) в том числе. Понимание смысла интеграции предполагает также рассмотрение становления таких взаимосвязей, которые определяют и изменяют текст (его компонент). Благодаря своему вхождению в систему взаимосвязей с другими элементами, он сам качественно изменяется [Жданова 2009]. Поэтому возможно рассмотрение новой интегративной совокупности текстовых свойств, развитых в дискурсе. Так, например, развивается слог журналиста в процессе дискурсивной практики как фонового (неэксплицированного) знания в конкретно речевой деятельности [Иссерс 2011]. Ниже можно вычленить в одном изложении три интегрированных дискурсии (такие, как будто бы они из разных текстов) во взаимодействии: 1) собственно журналистское изложение события о встрече святых мощей в С.-Петербурге: выдел. **п/ж**; 2) элементы дискурса почитаемого старца: выдел. *курс.*; 3) почтительная речь журналиста же в духе монашествующих (тех, с кем общался).

Брат наш Силуан

(1)...**В его биографии нашлось место и Петербургу. Отец настоял, чтобы до отправления на Афон он прошел военную службу в Санкт-Петербургском саперном батальоне.** (2) Одним из направлений святой жизни и молитв препо-

добного было моление за мир — (3) «за всего Адама, как за самого себя». Как условие познания мира Силуан называл *любовь к ближнему*: «*Брат наш есть наша жизнь*».

Преподобный скончался в 1938 году, а в 1952-м опубликованы его записки, которые ныне монашествующие называют «*Новым Добролюбием*».

СПб-Ведомости (16.09.2016)

Здесь представлена единая, интегративная ткань текста. В то же время к ней могут применяться две интерпретации термина дискурс — широкая (медиальная) и узкая (идеологическая). С точки зрения широкой трактовки, перед нами *медиадискурс*, где сплетаются три субъектно разные нити изложения, а посредников два (корреспондент и монашествующие). С точки зрения узкой трактовки термина, ткань текста пронизывает *идеологический дискурс*. Это ось проповеди святого: здесь присутствует главный концепт его мировоззрения — 'братство', 'добролюбие' и отождествительный фрейм [части отождествления подчеркнуты — Т. К.]. Это особый мир и особый язык.

Прагматико-стилистическая традиция исследований дает акцент (вряд ли продуктивный), который вносится в трактовку понятия дискурса как вида речевой практики. По образцу стилистических исследований в разработку принципов дискурсного анализа вводятся определенные составляющие экстралингвистического контекста с указанием, что они носят дискурсообразующий характер. Во всяком случае, это не мифологические составляющие, о которых в качестве дискурсообразующих писал Ю. С. Степанов, П. Серию и некоторые другие представители западной школы дискурсного анализа [Квадратура смысла 1999; Йоргенсен, Филлипс 2008; Матисон 2013]. Термин дискурс относится к интернационализмам, и порой возникает ощущение, что к иноязычному термину отношение у нас свое, выращенное в обстоятельствах трудного времени в нелучших условиях. Во времена властного давления (эпоха СССР) функциональная стилистика с ее нормативно-регуляторными способностями, изучением тактик и приемов воздействия завоевала право на приоритет в цикле языковых дисциплин для журналистов. В научном обиходе ее даже называли «зонтиковой» наукой по охвату всего функционального направления, изучающего идеологию употребления. М. Н. Кожина отвечала на такие суждения уклончиво, утверждая, прежде всего, приоритет функциональной стилистики в речеведении. Как редак-

тор «Словаря» она отрицала возможность интерпретации стилистики в качестве «зонтиковой» науки, указывая в качестве междисциплинарной на «когнитивную науку» [Стилистический энциклопедический словарь 2006: 335]. В этих условиях многое зависит от того, как понимается многозначный термин *дискурс*. Поскольку вне системы терминов определений нет, дефиниция должна передать все существенные признаки понятия. Сразу оговоримся: наиболее популярные определения дискурса будут представлены коротко, чтобы на их фоне развернуть терминологическое описание классического образца.

С. Д. Шелов выделяет несколько способов (типов) определений: родовидовые, перечислительные (экстенсиональные), контекстуальные и операционные [Шелов 1990: 22–29]. К родовидовым определениям относится любая дефиниция, у которой в составе определяющей части вычленяется родовое понятие и его видовой признак. Таких определений дискурса разбросано по публикациям довольно много. Ср.: «речь, присвоенная говорящим» (Э. Бенвенист); «речь, опрокинутая в жизнь»; «высказывание с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет» [Серио 2001: 550], «форма знания», «форма художественного знания» [Художественная речь 2002: 11]; «совокупности медиатекстов», «языковой коррелят социокультурной практики» [Шмелева 2012: 157]; «инструмент медиалингвистики», «инструмент исследования регионального медиаполя» [Новгородское медиаполе 2015: 42]. Как видно, возникла тенденция механического или инструментального понимания термина дискурс. Общий недостаток таких определений — неполнота и метонимичность. К примеру, дискурс как совокупность текстов может пониматься и в метонимическом смысле: «совокупность текстов, пронизанная дискурсом» (ср. введенное М. Фуко [1996] понятие *диагональности дискурса* как способа его исторического существования во времени или эпохе).

Встречаются перечислительные определения дискурса. Они строятся по принципу раскрытия объема понятия: дается перечисление элементов, входящих в него — «либо как видовые его представители, либо как его части» [Шелов 1990: 24]. Ср.: «Дискурс нужно рассматривать как совокупность факторов, будь то знаковая сторона, структурная, когнитивная или социальная» [Островская 2013: 33]. Не имеют строгой формы дефиниции контекстуальные определения (или неявные). Более того, «автор, использующий тот или иной термин может указать, предъять

лишь некоторые объекты, на которые данный термин распространяется, надеясь при этом, что подготовленный и согласный с ним в принципе читатель и так все поймет» [Шелов 1990: 27]. По С. Д. Шелову, контекстуальные определения для гуманитарных наук, в частности для языкознания, достаточно типичны. Конечно, это делает восприятие многозначного термина *дискурс* не всегда адекватным вложенному в него понятию, которое и для автора может быть лишено четкой однозначности.

Ниже дано образцовое, на наш взгляд, описание термина *дискурс* (в сокр.) у Ю. С. Степанова и цитируемого им В. З. Демьянкова. Данное толкование представляется особенно ценным, так как теперь уже совмещает интернациональное знание о термине *дискурс* (в традициях разных школ) [Степанов 1995]. Описание дано в порядке следования материала с помощью категории, введенной специалистами-терминоведами: «Металингвистическая коммуникативная ситуация (МКС) [Куликова, Салмина 2002: 149]. Части, относящиеся к виду МКС, выделены курсивом.

МКС «история термина дискурс». Термин *дискурс* (фр. *discours*, англ. *discourse*) начал широко употребляться в начале 70-х годов, первоначально в значении близком к тому, в каком в рус. лингвистике бытовал термин «функциональный стиль» (речи или языка). / ***МКС «разграничение терминов».*** Причина того, что при живом термине «функциональный стиль» *потребовался другой* — «дискурс», заключалась в особенностях национальных лингвистических школ, а не в предмете. В то время как в русской традиции (особенно укрепившейся в этом отношении с трудами В. В. Виноградова и Г. О. Винокура) «функциональный стиль» означал прежде всего особый тип текстов — разговорных, бюрократических, газетных и т.д., но также и соответствующую каждому типу лексическую систему и свою грамматику, / ***МКС «сопоставление терминов разных метадиалектов»*** в англосаксонской традиции не было ничего подобного, прежде всего потому, что не было стилистики как особой отрасли языкознания. / ***МКС «уточнение термина».*** Англо-саксонские лингвисты подошли к тому же предмету, так сказать, *вне традиции* — как к особенностям текстов. «Дискурс» в их понимании первоначально означал именно *тексты в их текстовой данности и в их особенностях*. Т. М. Николаева в своем *Словарике терминов лингвистики текста* (в 1978 г.) под этим термином писала: «Дискурс» — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в

значениях, почти омонимичных (т.е. даже не синонимичных — Ю. С.) Важнейшие из них: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение как данность — письменная или устная» [Степанов 1995: 36–37].

/ **МКС «дефиниция термина».** «Дискурс — это прежде всего совокупность текстов, за которой «встает» особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете, особый мир. В мире дискурса действуют свои правила синонимических замен, свои правила истинности, свой этикет. Это возможный (альтернативный) мир» [Там же: 44–45].

«Лишь значительно позднее, — пишет Ю. С. Степанов, — англосаксонские лингвисты осознали, что "дискурс" — это не только "данность текста", но и некая стоящая за этой "данностью" система. Была разработана более независимая парадигма, которая принята в Европе и в Соединенных Штатах (Ван Дейк и Кинч). Между тем В. З. Демьянков в своем словаре "Англо-русских терминов по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста" (вып. 2, 1982 г.) сумел дать обобщающий эскиз "мира дискурса", который был назван "лучшим до сих пор определением" дискурса» [Степанов 1995: 44–45; далее в определении подчеркнуто нами — Т. К.]:

«Discourse — дискурс, произвольный фрагмент текста, состоящий более чем из одного предложения или независимой части предложения. Часто, но не всегда, концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т.п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который «строится» по ходу развертывания дискурса». С точки зрения грамматики «исходная структура для дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и "несобытия", т.е. а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Там же].

[Далее в нашем изложении — Т. К.] Дискурс существует не только в явно обозначенной политической сфере, также и в другой.

Но речь может идти именно о нормах дискурса, которые авторы некоторых работ желают выдать за нормы русского языка вообще. Ю. С. Степанов отмечает: «дискурс — это прежде всего тексты (прежде всего, но далеко не только тексты). Во всяком случае дискурс не может быть сведен к стилю. И именно поэтому стилистический подход, создание стилистики как особой дисциплины в рамках изучения данного языка [языка дискурса — Т. К.], — в настоящее время уже не является адекватным» [Степанов 1995: 44–45].

Признаки дискурса в о о б щ е Ю. С. Степанов определил следующим образом.

«Дискурс, по-видимому, создается не во всяком языке, или, точнее не во всяком ареале языковой культуры. Дискурсы, выделяются в языке соответствующей эпохи. Это связано, по-видимому, с наличием особого мифологического слоя в культуре того времени. Но не является ли дискурс в с е г д а в том числе и в наши дни, выражением какой-то мифологии?»

Другая особая, конституирующая черта дискурса состоит в том, что дискурс предполагает и создает своего рода и д е - а л ь н о г о а д р е с а , который отличен от конкретного "воспринимателя речи". "Идеальный адресат, — говорит П. Серио, — может быть определен как тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдиалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции".

Итак, что такое дискурс? Дискурс — это "язык в языке", но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей "грамматики" и своего "лексикона", как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это — "возможный (альтернативный) мир" в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс — это один из "возможных миров"» [Там же].

С учетом большого интереса к работам Г. Меннини, М. Пеше, П. Серио, Н. Ферклу и др. западных ученых периода 70-90-х гг. становится понятным своеобразный интернационализм исследований дискурса [Чудинов, Будаев 2011]. Для нас особенно

привлекательными выступают те школы дискурсивного анализа, которые наследовали социологическим идеям МФЯ (В. Н. Волошинов, М. М. Бахтин Марксистская философия языка).

Заключение. В свое время Ольга Сергеевна Ахманова, многоопытный составитель «Словаря лингвистических терминов» (1969), писала, что лингвистическая терминология не является ни рационально организованной, ни семиотически безупречной системой [Ахманова 1990: 509]. Р. А. Будагов сформулировал задачу утверждения в лингвистике приемлемой терминологии так: «Если сознательно не заниматься терминами, ученые в конце концов перестанут понимать друг друга» [Будагов 1974: 124].

Понятие дискурс входит в разряд терминов, образованных основным вектором развития отечественной лингвистилистики под названием речеведение. Почему, зная, что такое термин и какова его природа, лингвисты не могут справиться с болезнями собственной терминологии? Должно быть, для этого есть и внешние, объективные, и субъективные причины. Среди внешних причин оказывается постоянно развивающееся научное знание, множественность лингвистических направлений, школ, концепций в мировом и отечественном языкознании. Главное требование к идеальному термину — его однозначность. Однако именно мышление и не позволяет выполнить это идеальное требование: содержание понятий изменяется в процессе познания, возникают новые понятия. Субъективное начало привносится исследователем, определяющим, сознательно уточняющим границы содержания специального понятия.

В отечественной науке есть широкое (когнитивно-прагматико-стилистическое) и узкое (конструктивно-социально-идеологическое) понимание термина дискурс. Иногда научное слово, подобно идеологеме, оказывается объектом манипуляции вследствие того, что сумма его существенных признаков может быть представлена по-разному, а их иерархия выстроена в соответствии с потребностями той или иной стратегии конкретного описания. Образовался разрыв между терминологическим и механическим использованием слова дискурс как инструмента тематического описания поля массмедиа. Дефиниции дискурса должны быть ясны и понятны, интерпретации убедительны.

Как представляется, в центре внимания современных исследователей СМИ должна быть медиалингвистика с социологическим акцентом, то есть вниманием к идеологии (интерпретации «мира»), а также к дискурсивным практикам, дающим вы-

ход в изучение оттенков общественного мнения, его затемненных зон и проблемных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Ахманова О. С. Предисловие // Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.

Ахманова О. С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Будагов Р. А. Терминология и семиотика // Человек и его язык. — М., 1974.

Волошинов В. Н. [Бахтин М. М.] Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук. — СПб., 1995. С. 216–380.

Горбачев Е. В. «Борьба за лексику» как часть политического дискурса ФРГ: проблемы теоретического осмысления. — Самара, 1999.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и атоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов. 39. — М., 1982.

Жданова М. Г. Понятие интеграции в исследовании социальных процессов // Медицина и образование в Сибири. — 2009. № 1.

Иссерс О. С. Дискурсивная практика как реальность // Вестник Омского университета. — 2011. № 4.

Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — М., 1999.

Клушина Н. И. Зона пересечения стилистики и дискуртологии // La Table Ronde. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013. С. 26–28.

Кожмякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования // Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та. Серия Гуманитарные науки. — 2010. № 12 (83). Вып. 6.

Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917–1920(22) гг. — СПб., 2011.

Куликова И. С., Салмина Д. В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). — СПб., 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.

Марианне В. Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков, 2008.

Матисон Д. Медиадискурс. Анализ медиа-текстов. — Харьков, 2013.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб., 1997.

Новгородское медиаполе: опыты лингвистических исследований. — Великий Новгород, 2015.

Островская Т. В рамках парадигмы «Язык-Речь-Текст» стало тесно // *La Table Ronde*. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013. С. 32–33.

Серио П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс // *Семиотика: Антология*. — М., 2001, С. 549–562.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // *Язык и наука конца 20 века*. — М., 1995. С. 35–73.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка. — М., 2006.

Фуко М. Археология знания. — Киев, 1996.

Художественная речь русского зарубежья: 20–30-е годы XX века. Анализ текста. — СПб., 2002.

Чернявская В. Е. Дискурс // *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. — М., 2006.

Чудинов А. П., Будаев Э. В. Дискурсивное направление в зарубежной медиалингвистике // *Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке*. — М., 2011.

Шелов С. Д. Об определении лингвистических терминов (опыт типологии и интерпретации) // *Вопросы языкознания*. — 1990. № 3.

Шмелева Т. В. Дискурс и исследовательский инструментарий медиалингвистики // *Научные ведомости Белгородск. гос. ун-та*. — 2012. № 18 (137). Вып. 15.

La Table Ronde. Вып. 2: Лингвистика дискурса и перспективы ее развития в парадигме современной славистики. — Минск, 2013.